

УДК 34.096
DOI 10.52452/19931778_2024_6_111

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ

© 2024 г.

Е.А. Горбунов

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Москва

generosus.e@yandex.ru

Поступила в редакцию 31.10.2024

Рассмотрена актуальная проблематика сущности цифровой валюты и ее особенности. С помощью рассмотрения генезиса цифровых валют описывается важность данного института. Приводится понятие цифровой валюты, рассматривается правовая природа цифрового рубля как третьей формы национальной валюты, выпускаемой Банком России в дополнение к безналичным и наличным деньгам. Выделяются отличительные признаки цифровой валюты, а также цифрового рубля. Цифровые валюты рассматриваются как деньги, как имущество, как имущественные права с точки зрения отечественной и зарубежной правоприменительной практики. Делается вывод об отсутствии оснований считать цифровой рубль криптовалютой и цифровой валютой в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Ключевые слова: цифровая валюта, цифровой рубль, криптовалюта, биткоин, третья форма национальной валюты, правовая природа цифровой валюты, обязательство центрального банка, цифровая валюта как деньги, цифровая валюта как имущество, цифровая валюта как имущественные права.

Введение

Появление цифровых валют, которые стали выходить за рамки своей виртуальной среды, сделало актуальным вопросы о том, какова правовая природа цифровой валюты, следует ли ее классифицировать как деньги для целей правового регулирования. Является ли цифровая валюта апогеем истории денег или торжеством функциональной теории денег? Если распространить концепцию признания, широко применяемую среди представителей конвенционализма, то можно заключить, что нечто является деньгами тогда и только тогда, когда оно признано, принято или объявлено деньгами. Вопрос, готово ли общество принять новую форму денег, предлагаемую центральными банками государств, является открытым [1].

В данной статье рассматривается история и правовая природа цифровых валют, а также возможность распространения правового режима имущества, имущественных прав на цифровые валюты.

Эволюция цифровых валют центральных банков

Что мы имеем в виду, когда говорим о цифровых валютах центральных банков¹ (далее – ЦВЦБ)? Впервые этот термин появился в 2015 году [2], хотя идея обсуждалась еще задолго до этого: стремление к созданию ЦВЦБ возникло из-за необходимости противостоять потенциально дестабилизирующим всю государственную монетарную политику и финансовую си-

стему государств частным цифровым валютам. Центральные банки некоторых государств сделали это путем создания ЦВЦБ, которые с 1980-х до начала 2000-х годов в целом рассматривались как революционный феномен, угрожающий изменить монетарный мир, ликвидировав центральные банки за ненадобностью [3, р. 4]. Это связано преимущественно с опасениями, что конкурирующие частные валюты могут повлиять на монетарную политику, сеньораж² и использование денег в наличной и электронной форме. Одним словом, центральные банки были обеспокоены новшествами, представляющими угрозу для широко применяемых бизнес-моделей, и искали пути укрепления своих позиций в меняющемся денежном мире.

В 1985 году Джеймс Тобин писал о возможности размещения депонированной валюты, которая представляет собой электронные «хранилища стоимости, воплощенные в денежной единице, обеспеченной правительством» либо напрямую, либо через традиционные банковские счета [4, р. 22, 25]. Тобин считал, что рост вычислительной мощности электронных вычислительных машин и скорости электронных платежей угрожает господству государственных денег: «система электронных платежей делает возможным мгновенные платежи через компьютер с одного счета на другой». Автор также рассматривал идею о том, что «частные деньги и принципы свободного рынка могут обеспечить экономику более эффективными деньгами, тем самым бросая вызов исключительному праву правительства на обеспечение и проведение финансовой, кредитной и денежной политики».

Центральные банки, понимая потребность общества в более быстром, надежном, удобном, дешевом средстве платежа, запустили процесс создания электронных денег, чтобы деактуализировать интерес к частным цифровым валютам. В 1993 г. в оборот впервые были введены цифровые деньги «Digi-Cash», основанные на технологии смарт-карт. Сначала под электронными деньгами понимались перезаряжаемые смарт-карты, электронные кошельки и программы, использующие Интернет для осуществления платежей (цифровые наличные) [5, р. 1]. Позже электронные деньги стали включать продукты, позволяющие пользователям получать доступ к банковским счетам для перевода денег [6, р. 4].

В 1991 г. Банк Финляндии один из первых ввел в действие «систему электронных денег» для розничных платежей. Эти электронные деньги выпускались в виде карточек с накопительной стоимостью, так называемые токены центрального банка, распространяемые коммерческими банками [3, р. 2–3, 5, 14–15]. В 1990-х и начале 2000-х годов идея, которая могла бы стать ЦВЦБ, варьировалась от законных электронных денег, выпускаемых коммерческими банками, до электронных денег, выпускаемых правительством [7, р. 32]. По сути, это были формы электронной валюты, которые действовали бы так же, как и твердая валюта. Модель представляла собой банкноту в цифровом формате. Однако создание электронных денег не развеяло интерес к частным валютам, поскольку за последними сохранилось одно из самых важных преимуществ – отсутствие контроля государства за платежами, то есть полная анонимность.

Уже в 2010-х стали появляться новые идеи о монетах, токенах и биткойне [8, 9]. Затем центральные банки заговорили о ЦВЦБ как о государственной валюте, использующей технологии блокчейна и криптографии.

Одним из рисков широкого признания частных цифровых валют в качестве аналога наличных денег центральные банки видят сокращение баланса центрального банка, что повлияет на операции на открытом рынке и способность банка влиять на денежно-кредитную политику [6, р. 3]. Также может произойти сокращение доходов центрального банка от продажи активов и процентов, получаемых по этим активам [5, р. 7; 10, р. 82–83; 11]. В совокупности вышеназванные проблемы способствуют возникновению угрозы исчезновения центральных банков ввиду отсутствия средств на финансирование своей деятельности [10, р. 80–85; 7, р. 343].

В связи с этим у центральных банков государств было два варианта, как противостоять этим угрозам: либо установить резервные тре-

бования к эмитентам частных цифровых валют, либо выпустить собственную форму цифровых валют, хранящихся на его балансе [5, р. 10; 10, р. 86; 6, р. 9, 14–15]. В своем отчете МВФ утверждал, что если центральный банк обладает монополией на наличные деньги, то вполне логично, что он будет обладать монополией и на их цифровую альтернативу – цифровые деньги. Это позволило бы добиться экономии за счет масштаба, обеспечить безопасность операций и создать электронное законное платежное средство [10]. Так, к середине 2000-х годов идея создания ЦВЦБ уже существовала и была актуальной.

Что такое цифровая валюта

Сегодня существует более 9 тысяч частных виртуальных валют³ [12], которые имеют как некоторые общие черты со стандартными валютами (например, используются в качестве средства платежа), так и различия. До недавнего времени одной из основных отличительных характеристик частных виртуальных валют была их полностью виртуальная природа, то есть исключительно оцифрованная форма. Поскольку цифровые валюты, то есть цифровая форма ценности, являются одним из видов виртуальных активов, автор считает возможным одновременное рассмотрение таких институтов, как виртуальные валюты, цифровые валюты, ЦВЦБ.

В российском законодательстве в соответствии с Федеральным законом от 24 июля 2023 года № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» с 1 августа 2023 г. цифровой рубль признается официальной денежной единицей (валютой) Российской Федерации⁴ [13].

В соответствии с ч. 3 ст. 1 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ (далее – Закон № 259 «О ЦФА») цифровая валюта – это совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе. Указанные электронные данные могут быть приняты как инвестиции или средство платежа, не являющееся денежной или расчетной единицей. В правоотношениях, связанных с цифровой валютой, по общему правилу нет лица, которое несет обязанность перед каждым обладателем такой валюты по обеспечению соответствия порядка выпуска электрон-

ных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в информационную систему. Исключение составляют только операторы и узлы информационной системы. Если читать буквально – то это любая криптовалюта, которая произведена майнерами на территории России.

Таким образом, законодатель выделяет два признака цифровой валюты: во-первых, цифровая валюта не является рублями или иностранной валютой, то есть не является деньгами с точки зрения государственной теории денег; во-вторых, цифровая валюта не предоставляет их обладателю права требования, в отличие от цифровых прав, к которым относятся утилитарные цифровые права и цифровые финансовые активы. Примечательно, что законодатель прямо не говорит, обязательно ли должна цифровая валюта учитываться на блокчейне.

Поскольку история цифровых частных финансовых активов началась с 2009 г., когда появилась первая криптовалюта в мире — биткоин, это были финансовые инструменты, не урегулированные законодательством большинства стран мира на протяжении длительного периода времени. В связи с этим частные цифровые валюты получали разную правовую квалификацию судами: как деньги, как имущество, как имущественные права.

Цифровая валюта как деньги (валюта)

Схожесть цифровых валют со стандартными валютами и классическими формами денег способствовала признанию судами этих объектов права законным платежным средством еще задолго до появления пилотных проектов центральных банков различных государств по внедрению цифровых валют в оборот.

Например, одно из дел касалось инвестиционной схемы Трендона Шейверса, основателя и оператора Bitcoin Savings and Trust (BTCST), которая привлекала инвестиции и выплачивала доход в биткоинах. В 2013 году Комиссия по ценным бумагам и биржам США обвинила Шейверса в том, что он обманом выманил у инвесторов биткоины на сумму более 4.5 млн долларов. В ответ на это Шейверс заявил, что биткоин не является деньгами и поэтому инвестиции в BTCST не считаются инвестициями финансовых средств в деньги в понимании денег как движимого имущества и иного имущества, поскольку они не являются «ценными бумагами», как определено в федеральном законе о ценных бумагах [14], и поэтому не регулируются этим законом. Судья Амос Л. Маззант в деле *Комиссия по ценным бумагам и биржам*

США v. Шейверс (2013) [15] с этим не согласился, постановив следующее: «Совершенно очевидно, что биткоин можно использовать в качестве денег. Его можно использовать для покупки товаров и услуг, а также для оплаты индивидуальных расходов на жизнь. Единственное ограничение биткоина заключается в том, что он ограничен теми местами, которые принимают его в качестве валюты. Однако его также можно обменять на обычные валюты, такие как доллар США, евро, иена и юань. Таким образом, биткоин — это валюта или форма денег, и инвесторы, желающие вложить средства в BTCST, вкладывают деньги».

Судья Кэтрин Б. Форрест в деле *Соединенные Штаты Америки v. Ульбрихт* (2014) [16] вынесла аналогичный вердикт против ответчика Ульбрихта, который создал, владел и управлял сайтом «Шелковый путь». Пользователи данного сайта занимались анонимной куплей-продажей наркотиков с помощью платежной системы на основе биткоина. Отвечая на обвинение в отмывании денег, Ульбрихт утверждал, что проводимые им операции не являются «финансовыми», поскольку осуществлялись с использованием биткоина, а биткоин – это не деньги. Судья Форрест с этим не согласилась, высказав следующее мнение: «Биткоины несут в себе ценность – таково их назначение и функция – и выступают в качестве средства обмена. Биткоины можно обменять на законное платежное средство, будь то доллары США, евро или другая валюта. Соответственно, аргумент [о том, что биткоин – не деньги] не работает».

Цифровая валюта как имущество

Существует иная точка зрения на правовую природу цифровых валют, согласно которой ЦВЦБ является имуществом. Так, еще в 2014 г. Налоговая служба США объявила, что для целей федерального налогообложения будет рассматривать виртуальные валюты как имущество, а не как валюту, ссылаясь на то, что виртуальные валюты не являются законным платежным средством: «Налоговая служба США осведомлена о том, что «виртуальная валюта» может использоваться для оплаты товаров и услуг или для инвестиций. Виртуальная валюта – это цифровое представление стоимости, которое функционирует как средство обмена, расчетная единица и/или хранилище стоимости. В некоторых условиях она действует как «реальная» валюта – т. е. монеты и бумажные деньги США или любой другой страны, которые признаны законным платежным средством, обращаются, обычно используются и принимаются в

качестве средства обмена в стране выпуска, – но не имеет статуса законного платежного средства ни в одной юрисдикции» [17].

Савеловский районный суд города Москвы в деле № 2-2888/2021 от 09.11.2021 пришел к схожему выводу, сказав, что криптовалюта – это объект имущества⁵ [18].

В связи с этим возникает вопрос: куда отнести цифровой рубль? Является ли цифровой рубль имуществом, иным вещным правом или чем-то иным? Автор полагает, что он не может быть отнесен ни к криптовалюте, ни к цифровой валюте в смысле Закона № 259 «О ЦФА».

Проблема заключается в том, что юридически цифровой рубль не содержит в себе никакого обязательства, он существует не на блокчейне и он номинирован в российской денежной единице. Следовательно, цифровой рубль не подпадает под определения криптовалют согласно Закону № 259 «О ЦФА».

С одной стороны, может показаться, что цифровой рубль является обязательством Центрального банка России, как указывается в концепции цифрового рубля [19]. Вместе с тем может ли это быть обязательство по принципу «исполню, если захочу» или здесь нет обязательства вовсе? Для ответа на данные вопросы рассмотрим кейс с Gram (далее – Грам) – криптовалютой Telegram.

Фабула дела *Комиссия по ценным бумагам и биржам США v. Telegram* такова: сначала привлекались средства узкого круга инвесторов, которые в дальнейшем могли бы получить Грамы уже при их выпуске, когда они были бы готовы. Однако это все равно не соответствовало критериям правил о выпуске и эмиссии ценных бумаг, согласно которым у таких инвесторов появилось бы ответное право на получение в предусмотренный срок от эмитента ценной бумаги ее номинальной стоимости или иного имущественного эквивалента. Если Грамы выпускались бы в неготовом виде, то существовал бы большой риск квалификации их в качестве ценных бумаг по тесту Хьюи⁶.

Однако после инициации расследования Комиссией по ценным бумагам и биржам США, настаивавшей на квалификации как самих Грамов, так и контрактов с квалифицированными инвесторами в качестве ценных бумаг, Telegram уточнил, что его Грамы не отличаются по природе от биткоинов и покупатель Грамов не должны ожидать какой-либо прибыли, зависящей от усилий команды Telegram. При этом Грам не удостоверяет никаких прав требования и Telegram не берет на себя обязательств по поддержанию платформы или созданию сервисов для нее после ее запуска.

Вместе с тем суд принял решение в пользу Комиссии по ценным бумагам и биржам США, запретив продажу и распространение Грамов и признав Грамы ценной бумагой.

Дело *Комиссия по ценным бумагам и биржам США v. Telegram* иллюстративно с точки зрения разницы в подходах англосаксонского права и континентального права на примере дела Telegram. Это связано с тем, что западные правовые порядки исходят из уникальности каждого финансового инструмента, в связи с чем каждый вид цифровой валюты должен быть квалифицирован *ad hoc*. Таким образом, суд каждую новую цифровую валюту рассматривает по существу, применяя тест Хьюи, цель которого – раскрыть истинную цель приобретения данного инструмента инвесторами.

Следовательно, регулятор рассматривает каждый новый финансовый инструмент на предмет, во-первых, использования для платежей; во-вторых, содержит ли он реальное право требования или нет. В зависимости от этого цифровая валюта получает статус платежного инструмента и, соответственно, признается цифровой валютой, или нет.

Вместе с тем в российском праве определение цифровой валюты закреплено только в Законе № 259 «О ЦФА», что, с одной стороны, является логичным для романо-германской правовой системы, а с другой – существенно сдерживающим фактором для такой динамически развивающейся области, как правовое регулирование цифровых валют.

Цифровая валюта как иное имущество

Однако нельзя не упомянуть судебную практику, сложившуюся в России до вступления в силу Закона № 259 «О ЦФА» по спорам, связанным со сделками с цифровой валютой. Считалось, что поскольку в одном из своих ненормативных документов Банк России назвал это денежным суррогатом, сделка с цифровыми валютами является ничтожной⁷ [20]. Позже судебная практика⁸ [21, 22] стала относить цифровые валюты к иному имуществу, которое может быть использовано в соответствии с правомочиями собственника, а также обращено в конкурсную массу. Законодательно подход к определению цифрового рубля в качестве иного имущества был закреплен в ст. 128 ГК РФ только с 01.08.2023 Федеральным законом № 339 «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации».

Данная неопределенность в отношении правовой природы цифровых валют на протяжении

длительного времени повлекла неурегулированность механизмов совершения сделок с цифровыми валютами, например можно ли заплатить цифровой валютой по сделке купли-продажи товара.

Так, в судебном споре о включении требования в реестр требований кредиторов должника суды отметили, что сделка с криптовалютой Ethereum не порождает денежного обязательства на стороне должника применительно к статье 2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ. В качестве обоснования данной позиции апелляционный суд, учитывая письмо Центрального банка Российской Федерации от 27.01.2014 «Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности биткойна, применил статью 27 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», согласно которой выпуск на территории Российской Федерации денежных суррогатов запрещается. Кроме того, в связи с анонимным характером деятельности по выпуску «виртуальных валют» неограниченным кругом субъектов и по их использованию для совершения операций граждане и юридические лица могут быть, в том числе непреднамеренно, вовлечены в противоправную деятельность, включая легализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем, и финансирование терроризма.

На сегодняшний день ч. 5 ст. 14 Закона № 259 «О ЦФА» закрепляет запрет юридическим лицам, личным законом которых является российское право, принимать цифровую валюту в качестве встречного предоставления за передаваемые ими (им) товары, выполняемые ими (им) работы, оказываемые ими (им) услуги или иного способа, позволяющего предполагать оплату цифровой валютой товаров (работ, услуг). Однако данный запрет можно преодолеть либо после согласования с Минфином России, как уполномоченным органом исполнительной власти на установление по согласованию с Банком России запрета и (или) ограничений на совершение сделок с цифровой валютой в целях обеспечения финансовой стабильности Российской Федерации, либо с помощью экспериментального правового режима.

Так, ст. 1.1 Закона № 259 «О ЦФА» закрепляет право в рамках экспериментального правового режима (далее – ЭПР) у Банка России, как органа, осуществляющего контроль и регулирование, установить иное понятие цифровой валюты, чем то, которое установлено в ч. 3 ст. 1 Закона № 259 «О ЦФА». Остается только предположить, что это было сделано для междуна-

родных расчетов стеблкоином⁹. В связи с тем, что на данный момент отсутствует правовая определенность в вопросе наличия или отсутствия права требования в цифровой валюте, нужно было изменить для цели ЭПР понятие цифровой валюты. В связи с этим появилась оговорка, что для ЭПР может быть предусмотрено специальное правовое регулирование. То есть допускается рассмотрение отдельного понятия цифровой валюты, которое, например, будет включать в себя некое право требования.

Заключение

В настоящее время новая форма национальной валюты отнесена гражданским законодательством к категории безналичных средств, а именно к имущественным правам согласно ст. 128 ГК РФ. Из чего следует, что, с одной стороны, цифровой рубль признается разновидностью безналичных денег, а с другой – презентуется как «третья форма рубля». Такой подход непоследователен и вызывает вопросы о пределах применения норм гражданского законодательства к отношениям, связанным с оборотом цифрового рубля [14].

Примечания

1. CBDC (Central bank digital currency) – цифровая валюта центрального банка. Третий вариант национальной валюты наряду с наличными и безналичными деньгами (в России – цифровой рубль).

2. Сеньораж (фр. *seigneurage*) – доход, получаемый от выпуска наличных и безналичных. Определяется как разница между стоимостью изготовления денежных знаков и их номиналом.

3. Криптовалюты – это цифровые валюты, которые используют криптографию для защиты транзакций и контроля создания денежных единиц.

4. По оценке экспертов, в 2023 году Россия стала первой страной в мире, где на законодательном уровне создали правовую базу для внедрения цифровой валюты.

5. Так, истец обратился в суд с исковыми требованиями к ответчику об истребовании из чужого незаконного владения криптовалюты, которая была передана ответчику в доверительное управление с целью получения в ходе доверительного управления прибыли, за что истец обязался выплатить ответчику вознаграждение в виде 20% прибыли. Часть криптовалюты не была возвращена. Суд отказал истцу по следующим положениям. Во-первых, доказательств тому, что между сторонами в действительности был заключен договор доверительного управления имуществом, не представлено. Во-вторых, достаточных и достоверных доказательств тому, что истец является собственником заявленных им объектов имущества – видов криптовалют, не представлено. В-третьих, имущество (объем единиц криптовалюты)

передано истцом ответчику добровольно. Риски потери имущества, его уменьшения или увеличения несет непосредственно сам истец, принявший решение о добровольной передаче названного имущества при известных ему целях передачи имущества ответчику. При этом результат, ради которого имущество истцом добровольно передано ответчику, мог быть и недостижим, что истцу должно было быть известно, и истцом указанное должно было учитываться при добровольной передаче имущества истцу для предполагаемого возможного положительного результата, чего в данном случае не произошло.

6. Тест, созданный на основании решения Верховного суда США 1946 года, связанного со сделками с цитрусовыми плантациями Флориды, является основой полномочий Комиссии по ценным бумагам и биржам США (главный американский финансовый регулятор) по контролю за ценными бумагами, которые считаются «инвестиционными контрактами» и не подпадают под привычные категории, такие как акции и облигации. Несмотря на то, что понятие возникло в середине прошлого века, ведомство по-прежнему применяет его к актуальным активам, в том числе и к криптовалютам. Из-за того, что в США еще не сформировался единый подход регуляторов к криптоактивам, именно он может в конечном итоге сформировать ландшафт регулирования криптовалют.

7. Суд по данному делу косвенно признал биткоин денежным суррогатом, реклама которого запрещена. Также суд отметил, что введение на территории Российской Федерации других денежных единиц и выпуск денежных суррогатов запрещаются.

8. Суды отметили, что криптовалюта – это имущественные права; в данных делах наличествуют споры о наличии цифрового права, в связи с чем защита прав путем возврата имущества в натуре не может быть осуществлена, поскольку действующее гражданское законодательство не содержит понятия «иное имущество», упомянутое в статье 128 ГК РФ, с учетом современных экономических реалий и уровня развития информационных технологий, по мнению суда, допустимо максимально широкое его толкование. Таким образом, криптовалюта не может быть расценена применительно к ст. 128 ГК РФ иначе как иное имущество, а именно имущественные права.

9. Стейблкоины – это разновидность цифровых валют, которые так или иначе привязаны в своей стоимости к курсу реального актива. Как правило, это бывает либо золото, либо любой другой основной актив, часто к какой-то реальной национальной валюте.

Список литературы

1. Thomasson A.L. Realism and Human Kinds // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2003. Vol. 67. № 3. P. 580–609.
2. Bank of England. One Bank Research Agenda [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bankofengland.co.uk/-/media/boe/files/research/one-bank-research-agenda---summary.pdf?la=en&hash=B2C820FBF6A960C4A625C2DAB5B6CE4FEDF120> (дата обращения: 18.10.2023).
3. Grym A. Lessons Learned from the World's First CBDC // *BoF Economics Review*. Helsinki: Bank of Finland, 2020. № 8. 22 p.
4. Tobin J. Financial Innovation and Deregulation in Perspective // *BoJ Monetary and Economic Studies*. 1985. Vol. 3. № 2. P. 19–29.
5. Gormez Y. Implications for Central Banks of the Development of Electronic Money / Yuksel Gormez, Christopher Houghton Budd. Bank for International Settlements. 1996. 16 p.
6. Arnone M., Bandiera L. Monetary Policy, Monetary Areas, and Financial Development with Electronic Money // *IMF Working Papers*. 2004. Vol. 4. № 122. 43 p.
7. Konvisser J.B. Coins, Notes, and Bits: The Case for Legal Tender on the Internet // *Harvard Journal of Law & Technology*. 1997. Vol. 10. № 2. P. 321–352.
8. Koning J.P. Moneyness: Why the Fed Is More Likely to Adopt Bitcoin Technology than Kill It Off [Электронный ресурс]. URL: <https://jpkoning.blogspot.com/2013/04/why-fed-is-more-likely-to-adopt-bitcoin.html> (дата обращения: 18.10.2023).
9. Simon Scorer. Central Bank Digital Currency: DLT, or Not DLT? That Is the Question // *Bank Underground* [Электронный ресурс]. URL: <https://bankunderground.co.uk/2017/06/05/central-bank-digital-currency-dlt-or-not-dlt-that-is-the-question/> (дата обращения: 18.10.2023).
10. Groeneveld J.M. Seigniorage, Electronic Money and Financial Independence of Central Banks // *Banca Nazionale Del Lavoro Quarterly Review*. 1997. Vol. 50. Issue 200. P. 69–88.
11. Survey of Electronic Money Developments [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bis.org/cpmi/publ/d48.htm> (дата обращения: 18.10.2023).
12. Электронные источники в сети Интернет [Электронный ресурс]. URL: <https://coinmarketcap.com/all/views/all>. (дата обращения: 18.10.2023).
13. Эксперты назвали пять фундаментальных недочетов регулирования цифрового рубля [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/> (дата обращения: 09.02.2024).
14. U.S. Code: Public Records Act of 1933 (15 U.S.C. § 77a-bb) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/15/77a> (дата обращения: 09.02.2024).
15. U.S. District Court for the Eastern District of Texas «Securities exchange commission» [Электронный ресурс]. URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/texas/txedce/4:2013cv00416/146063/23/> (дата обращения: 18.10.2023).
16. Decision of the United States Court of Appeals for the Second Circuit dated 05.31.2017 № 15-1815 [Электронный ресурс]. URL: <https://caselaw.findlaw.com/court/us-2nd-circuit/1862572.html> (дата обращения: 18.10.2023).
17. Internal Revenue Service 2014, sec. 2 [Электронный ресурс]. URL: https://www.irs.gov/irb/2014-02_IRB (дата обращения: 09.02.2024).
18. Решение Савеловского районного суда города Москвы от 09.11.2021 № 2-2888/2021 // Официальный сайт Московского городского суда [Электронный ресурс]. URL: <https://mos-gorsud> (дата обращения: 09.02.2024).

19. Концепция цифрового рубля от 8.02.2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 09.02.2024).

20. Решение Октябрьского районного суда города Архангельска по делу № 2а-1635/2020 от 02.04.2020 // СПС «СудАкт» [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 09.02.2024).

21. Решение Арбитражного суда города Москвы от 29.11.2019 по делу № А40-164942/19-27-1380 // Электронное правосудие [Электронный ресурс]. URL: <http://kad.arbitr.ru/Card?number=%D0%9040-164942/2019> (дата обращения: 09.02.2024).

22. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14.09.2020 № 305-ЭС20-12165 по делу № А40-164942/2019 // Документ опубликован не был. «СПС КонсультантПлюс».

LEGAL NATURE OF DIGITAL CURRENCY

E.A. Gorbunov

The article considers the current problems of the essence of digital currency and its features. The importance of this institution is described by examining the genesis of digital currencies. The concept of digital currency is given, the legal nature of the digital ruble as the third form of national currency issued by the Bank of Russia in addition to non-cash and cash is considered. Distinctive features of digital currency, as well as the digital ruble, are highlighted. Digital currencies are considered as money, as property, as property rights from the point of view of domestic and foreign law enforcement practice. It is concluded that there are no grounds to consider the digital ruble a cryptocurrency and digital currency in accordance with the legislation of the Russian Federation.

Keywords: digital currency, digital ruble, cryptocurrencies, bitcoin, third form of national currency, legal nature of digital currency, central bank obligation, digital currency as money, digital currency as property, digital currency as property rights.

References

1. Thomasson A.L. Realism and Human Kinds // Philosophy and Phenomenological Research. 2003. Vol. 67. № 3. P. 580–609.

2. Bank of England. One Bank Research Agenda [Electronic resource]. URL: <https://www.bankofengland.co.uk/-/media/boe/files/research/one-bank-research-agenda---summary.pdf?la=en&hash=B2C820FBF6A960C4A625C2DAB5B5B6CE4FEDF120> (Date of access: 18.10.2023).

3. Grym A. Lessons Learned from the World's First CBDC // BoF Economics Review. Helsinki: Bank of Finland, 2020. № 8. 22 p.

4. Tobin J. Financial Innovation and Deregulation in Perspective // BoJ Monetary and Economic Studies. 1985. Vol. 3. № 2. P. 19–29.

5. Gormez Y. Implications for Central Banks of the Development of Electronic Money / Yuksel Gormez, Christopher Houghton Budd. Bank for International Settlements. 1996. 16 p.

6. Arnone M., Bandiera L. Monetary Policy, Monetary Areas, and Financial Development with Electronic Money // IMF Working Papers. 2004. Vol. 4. № 122. 43 p.

7. Konvisser J.B. Coins, Notes, and Bits: The Case for Legal Tender on the Internet // Harvard Journal of Law & Technology. 1997. Vol. 10. № 2. P. 321–352.

8. Koning J.P. Moneyness: Why the Fed Is More Likely to Adopt Bitcoin Technology than Kill It Off [Electronic resource]. URL: <https://jpkoning.blogspot.com/2013/04/why-fed-is-more-likely-to-adopt-bitcoin.html> (Date of access: 18.10.2023).

9. Simon Scorer. Central Bank Digital Currency: DLT, or Not DLT? That Is the Question // Bank Underground [Electronic resource]. URL: <https://bankunderground.co.uk/2017/06/05/central-bank-digital-cur>

[rency-dlt-or-not-dlt-that-is-the-question/](#) (Date of access: 18.10.2023).

10. Groeneveld J.M. Seigniorage, Electronic Money and Financial Independence of Central Banks // Banca Nazionale Del Lavoro Quarterly Review. 1997. Vol. 50. Issue 200. P. 69–88.

11. Survey of Electronic Money Developments [Electronic resource]. URL: <https://www.bis.org/cpmi/publ/d48.htm> (Date of access: 18.10.2023).

12. Electronic sources on the Internet [Electronic resource]. URL: <https://coinmarketcap.com/all/views/all>. (Date of access: 18.10.2023).

13. Experts named five fundamental flaws in the regulation of the digital ruble [Electronic resource]. URL: <https://www.vedomosti.ru/> (Date of access: 09.02.2024).

14. U.S. Code: Public Records Act of 1933 (15 U.S.C. § 77a-bb) [Electronic resource]. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/15/77a> (Date of access: 09.02.2024).

15. U.S. District Court for the Eastern District of Texas «Securities exchange commission» [Electronic resource]. URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/texas/txedce/4:2013cv00416/146063/23/> (Date of access: 18.10.2023).

16. Decision of the United States Court of Appeals for the Second Circuit dated 05.31.2017 № 15-1815 [Electronic resource]. URL: <https://caselaw.findlaw.com/court/us-2nd-circuit/1862572.html> (Date of access: 18.10.2023).

17. Internal Revenue Service 2014, sec. 2 [Electronic resource]. URL: https://www.irs.gov/irb/2014-02_IRB (Date of access: 09.02.2024).

18. The decision of the Savelovsky District Court of Moscow dated 09.11.2021 № 2-2888/2021 // The official website of the Moscow City Court [Electronic resource]. URL: <https://mos-gorsud> (Date of access: 09.02.2024).

19. The concept of the digital ruble dated 08.02.2021 [Electronic resource]. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (Date of access: 09.02.2024).

20. Decision of the Oktyabrsky District Court of Arkhangelsk in case № 2a-1635/2020 dated 02.04.2020 // CLR «SudAkt» [Electronic resource]. URL: <https://sudact.ru/> (Date of access: 02/09/2024).

21. Decision of the Arbitration Court of the city of

Moscow dated 29.11.2019 in case № A40-164942/19-27-1380 // Electronic justice [Electronic resource]. URL: <http://kad.arbitr.ru/Card?number=%D0%9040-164942/2019> (Date of access: 09.02.2024).

22. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 14.09.2020 № 305-AC 20-12165 in case № A40-164942/2019 // The document has not been published. CLR «ConsultantPlus».